

Ш. де Костер

Легенда об Уленшпигеле

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
Ш11

Ш. де Костер

Ш11 Легенда об Уленшпигеле / Ш. де Костер – М.: Книга по Требованию, 2022. – 372 с.

ISBN 978-5-4241-2048-0

Знаменитая книга Шарля де Костера «Легенда об Уленшпигеле», увидевшая свет в декабре 1867 года, не только прославила бельгийскую литературу, но и стала выдающимся явлением всей мировой литературы, в контексте которой это произведение стоит рядом с такими великими книгами, как «Дон Кихот» Сервантеса и «Гаргантюа и Пантагрюэль» Рабле. Роман Шарля де Костера, повествующий о приключениях Тилья Уленшпигеля и его друга толстяка и обжоры Ламме Гудзака, пропитана духом свободолюбия. Тиль Уленшпигель, шутник и остроумный насмешник, от которого достается высокомерным дворянам, и монахам, и королям, становится борцом, храбрым гезом, воплощающим в себе национальный дух Фландрии. Тиль – народный герой, никогда не умирающий и не стареющий. Он многолик: то он солдат или крестьянин, то живописец в ландграфском дворце, то шут при дворе короля, но везде он остается бунтарем, борцом за счастье своего народа.

ISBN 978-5-4241-2048-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022
© Ш. де Костер, 2022

Шарль де Костер
ЛЕГЕНДА ОБ
УЛЕНШПИГЕЛЕ
и Ламме Гудзаке, об их
доблестных, забавных и
достославных деяниях во
Фландрии и других краях

Предисловие совы

Уважаемые художники, глубокоуважаемые издатели, уважаемый поэт! Я принуждена сделать несколько замечаний по поводу вашего первого издания. Как? Во всей этой толстой книге, в этом слоне, которого вы в количестве восемнадцати человек¹ пытались направить на путь славы, не нашлось хотя бы крошечного местечка для птицы Минервы², для мудрой, для благоразумной совы? В Германии и в вашей же любимой Фландрии я постоянно путешествую на плече Уленшпигеля, который, кстати сказать, и прозван так потому, что имя его означает сову и зеркало, мудрое и забавное, *uyl en spiegel*. Жители Дамме, где, как говорят, он родился, произносят *Ulenspiegel* — тут действуют правило стяжения гласных и привычка произносить «уу» как «и». Это их дело.

Вы придумали другое объяснение: *Ulen* (вместо *Ulieden*) *Spiegel* — это, дескать, ваше зеркало, ваше, смерды и дворяне, управляемые и правящие, зеркало глупостей, нелепостей и преступлений целой эпохи. Остроумно, но опрометчиво. Никогда не следует порывать с традицией.

Быть может, вам показалась странной самая мысль представить мудрость в виде, по вашему мнению, мрачной и уродливой птицы — педантки в очках, ярмарочной лицедейки, подружки мрака, которая неслышно, как сама смерть, налетает и убивает. И все же, насмешники в обличье добродушия, у вас есть нечто общее со мной. И в вашей жизни была такая ночь, когда кровь текла рекой под ножом злодейства, тоже подкравшегося неслышно. Разве не было в жизни каждого из вас мгlistых рассветов, тусклым лучом озарявших мостовые, заваленные трупами мужчин, женщин, детей? На чем основывается ваша политика с тех пор, как вы властвуете над миром? На резне и бойне.

Я, сова, безобразная сова, убиваю, чтобы прокормиться самой и чтобы прокормить моих птенцов, — убийством ради убийства я не занимаюсь. Вы обвиняете меня в том, что я иной раз уничтожаю птичий выводок, ну, а вы истребляете все живущее. В своих книгах вы с умилением рассказываете о птичках — о том, как они быстрокрылы; как они красивы, как они любят, как искусно вьют гнездышки, как тревожится мать за своих птенчиков, и тут же даете советы, под каким соусом надо подавать птичек и в какое время года они особенно вкусны. Я не сочинительница, упаси меня бог, а то бы я про вас написала, что, когда вам не удастся сожрать птичку, вы грызете гнездышко — лишь бы поточить зубы.

Что же касается тебя, шалый поэт, то в твоих же интересах признать мое соавторство, — ведь по меньшей мере двадцать глав в твоём произведении принадлежат мне, остальное я безоговорочно уступаю в твою пользу. Отвечать за все глупости, выпускаемые в свет, право, не так уж весело. Забияка-поэт, ты крушишь подряд всех, кого ты называешь душателями твоего отечества, ты пригвождаешь к позорному столбу истории Карла V³ и Филиппа II⁴. Нет, ты не сова, ты неосторожен. Ты ручаешься, что Карлы Пятые и Филиппы Вторые перевелись на свете? Ты не боишься, что бдительная цензура усмотрит во чреве твоего слона намеки на знаменитых современников? Зачем ты тревожишь прах императора и короля? Зачем ты лаешь коронованных особ? Не напрашивайся на удары — от ударов же и погибнешь. Кое-кто тебе не простит этого лая, да и я не прошу — ты портишь мне мое мещанское пищеварение.

Ну к чему ты так настойчиво противопоставляешь ненавистного короля, с малолетства жестокого, — на то он и человек, — фламандскому народу, который ты стремишься изобразить доблестным, жизнерадостным, честным и трудолюбивым? Откуда ты взял, что народ был хорош, а король дурен? Мне ничего не стоит тебя разубедить. Твои главные действующие лица, все без исключения, либо дураки, либо сумасшедшие: озорник Уленшпигель с оружием в руках борется за свободу совести; его отец Клаас гибнет на костре за свои религиозные убеждения; его мать Сооткин умирает после страшных пыток, которые ей пришлось вынести из-за того, что она хотела уберечь для сына немного денег; Ламме Гудзак всегда идет прямым путем, как будто быть добрым и честным — это самое важное в жизни. Маленькая Неле хоть и недурна собой, а все же однолюбка... Ну где ты теперь встретишь таких людей? Право, если б ты не был смешон, я бы тебя пожалела. Впрочем, должна сознаться, что наряду с этими сумасбродами ты вывел несколько лиц, которые пришлись мне по душе: это испанские вояки, монахи, жгущие народ; фискалка Жиллина; жадюга-рыбник, доносчик и оборотень; дворянчик, по ночам прикидывающийся бесом, чтобы соблазнить какую-нибудь дурочку, а, главное, нуждавшийся в деньгах хитроумный Филипп II, подстроивший разгром церквей, чтобы потом наказать мятежников, которых он сам же сумел подстрекнуть. На что только не пойдет человек, если он объявлен наследником всех им убиваемых!

Но, кажется, я бросаю слова на ветер. Ты, может быть, не знаешь, что такое сова. Сейчас я тебе объясню. Сова — это тот, кто исподтишка клеветает на людей, неугодных ему, и кто в случае, если его привлекают к ответственности, не преминет благоразумно заявить: «Я этого не утверждал. Так говорят...» Сам же он прекрасно знает, что «говорят» — это нечто неуловимое.

Сова любит соваться в почтенные семьи, ведет себя как жених, бросает тень на девушку, берет взаймы, иногда — без отдачи, а как скоро убеждается, что взять больше нечего, то исчезает бесследно. Сова — это политик, который надевает на себя личину свободомыслия, неподкупности, человеколюбия и, уловив минутку, без всякого шума вонзает нож в спину какой-нибудь одной жертве, а то и целому народу. Сова — это купец, который разбавляет вино водой, который торгует недоброкачественным товаром и, вместо того чтобы напитать своих покупателей, вызывает у них расстройство желудка, вместо того чтобы привести их в благодушное настроение, только раздражает.

Сова — это тот, кто ловко ворует, так что за шиворот его не схватишь, кто защищает виноватых и обвиняет правых, кто пускает по миру вдову, грабит сироту и, подобно тому как другие купаются в крови, купается в роскоши.

Сова — это та, что торгует своими прелестями, развращает невинных юношей — это у нее называется «развивать» их — и, выманив у них все до последнего гроша, бросает их в том самом болоте, куда она же их и завлекла.

Если какой-нибудь сове кое-когда взгрустнется, если она вдруг вспомнит, что она — женщина, что и она могла бы быть матерью, то я от нее отрекаюсь. Если, устав от такой жизни, она бросается в воду, значит, она сумасшедшая, значит, ей и незачем жить на свете. Посмотри вокруг себя, поэт из захолустья, и ты увидишь, что сов на свете гибель. Сознайся, что неблагоприятно было с твоей стороны нападать на Силу и Коварство, на этих венчанных сов. Подумай о грехах своих, произнеси *mea culpa*⁵ и на коленях вымоли прощение.

Мне, однако, нравится твоя легкомысленная доверчивость. Вот почему, изменяя своей всем известной привычке, я все же почитаю за нужное тебя предупредить — предупредить о том, что я поспешу указать на резкость и дерзость твоего слога моим литературным родичам, а это люди осмотнительные и исполнительные, сильные своими перьями, клювом и очками, умеющие придавать самую очаровательную, самую благопристойную форму тем любовным историям, которые они рассказывают юношеству и которые зародились отнюдь не только на острове Киферы⁶, умеющие в течение часа неприметно разогреть кровь у кого угодно, хоть у твердокаменной Агнессы⁷. О дерзновенный поэт, ты, что так любишь Рабле и старых мастеров! Эти люди имеют перед тобой то преимущество, что, шлифуя французский язык, они в конце концов сотрут его окончательно.

Ухалус Посовиномус

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1

Во Фландрии, в Дамме, когда май уже распускал лепестки на кустах боярышника, у Клааса родился сын Уленшпигель.

Повитуха Катлина завернула его в теплые пеленки и, осмотрев головку, показала на кожицу.

— В сорочке родился, под счастливой звездой! — весело сказала она. Но тут же заохала, заметив на плече ребенка черное пятнышко. — Ай-ай-ай! — запримечивала она. — Эта черная отметина — след чертова когтя.

— Стало быть, господин сатана нынче поднялся спозаранок, коли уже успел поставить на моем сыне метку, — молвил Клаас.

— Да он и не ложился, — подхватила Катлина, — певец зари только-только еще будит кур.

С этими словами, передав младенца с рук на руки Клаасу, она удалилась.

Вслед за тем сквозь ночные облака пробилась зоря, ласточки, щебеча, залетали низко-низко над лугом, и наконец на востоке солнце явило в море багрянца свой ослепительный лик.

Клаас растворил окно и сказал Уленшпигелю:

— Мой в сорочке родившийся сын! Вот его светлость солнце приветствует Фландрскую землю. Как прозреешь — погляди на него, а когда-нибудь потом, если тебя вдруг одолеют сомнения и ты не будешь знать, как поступить, спроси у него совета. Оно ясное и горячее. Будь же настолько чист сердцем, насколько ясно солнце, и настолько добр, насколько оно горячо.

— Клаас, муженек, ведь ты поучаешь глухого, — заметила Сооткин. — Нака, попей, сынок.

С этими словами мать подставила новорожденному свои прекрасные естественные сосуды.

2

Пока Уленшпигель сосал ее грудь, в поле проснулись все пташки.

Клаас вязал хворост, а сам поглядывал, как его благоверная кормит Уленшпигеля.

— Жена, — сказал он наконец, — а что, молочка у тебя довольно?

— Кувшины полны, — отвечала она, — да вот радость-то моя не полна.

— Такой счастливый день, а ты пригорюнилась.

— Я вот о чем думаю: в кошелье у нас — вон он висит на стене — монетки какой завалищей и той нет.

Клаас снял кошель, но как он его ни встряхивал, звона, услаждающего слух, в ответ так и не раздалось. Это озадачило Клааса. Но он все же счел своим долгом успокоить благоверную.

— Не тужи! — сказал он. — В ларе у нас лепешки, — вчера Катлина принесла, — так? Вон я вижу здоровенный кусок мяса — тут ребенку дня на три молочка хватит, — правда? В углу притулился мешок с бобами, он нам с голоду поме-

реть не даст, — верно? А горшок с маслом померещился мне, что ли? А на чердаке у нас яблоки румяные в полном боевом порядке выложены десятками — ведь не во сне же я их видел? А бочонок брюггского куйте⁸ — разве этот толстяк, у которого в брюхе живительная влага, не сулит нам гульбы?

— Да ведь надо будет два патара⁹ священнику отдать да флорин¹⁰ в церковь — за крестины, — сказала Сооткин.

Тут с большущей охапкой травы вошла Катлина и сказала:

— Для младенчика в сорочке я принесла дягиля, — он хранит человека от распутства, — и укропа — укроп сатану отгоняет...

— А травы, что привораживает флорины, ты не принесла? — спросил Клаас.

— Нет, — отвечала та.

— Ну так я пойду погляжу, нет ли ее в канале.

Клаас взял удочку, сеть и вышел из дому в полной уверенности, что никого по дороге не встретит: ведь до oosterzon'a¹¹ — так во Фландрии называется шестой час утра — оставался еще целый час.

3

Клаас подошел к Брюггскому каналу, неподалеку от моря. Наживив удочку, он забросил ее в воду и закинул сеть. На том берегу нарядный мальчуган спал как убитый на холмике из ракушек.

Клаас нечаянно разбудил мальчугана, и тот, вообразив, что это стражник, что он сейчас поднимет его с ложа и как бродягу ответит в steen¹², чуть было не задал стрекача.

Однако, узнав Клааса, мальчик быстро успокоился, а Клаас крикнул ему:

— Хочешь заработать шесть лиаров?¹³ Гони рыбу ко мне.

Мальчуган, уже довольно пузатенький, вошел в воду и, вооружившись стеблем камыша с пышной метелкой, стал гнать рыбу по направлению к Клаасу.

Наловив рыбы, Клаас взял удочку и сеть и перешел через шлюз к мальчугану.

— Ведь это тебе дали при крещении имя Ламме¹⁴ и прозвали Гудзаком¹⁵ за твоё добродушие, а живешь ты на Цапельной улице за Собором богоматери? — спросил он. — Как же это ты, такой маленький и такой нарядный мальчик, спишь под открытым небом?

— Ах, господин угольщик! — отвечал мальчуган. — Дома у меня сестра; она моложе меня на год, но когда мы с ней ссоримся, она меня лупит по чему ни попало. Отыгаться на ее спине я, сударь, боюсь — как бы не сделать ей больно. Вчера вечером мне очень хотелось есть, за ужином я стал подчищать пальцами блюдо, на котором было подано тушеное мясо с бобами и, глядя на меня, она тоже к нему потянулась. А там мне и одному-то было мало, сударь. Как увидела она, что я облизываюсь, — уж больно вкусная была подливка, — ну прямо взбесилась: таких мне увесистых оплеух надавала, что я, еле живой, бросился вон из дома.

Клаас осведомился, что же делали отец и мать в то время, как сестра хлестала его по щекам.

На это Ламме ответил так:

— Отец похлопал меня по одному плечу, мать по другому, и оба сказали: «Дай ей сдачи, трусишка?» А я не хотел бить маленькую девочку и убежал.

Внезапно он побледнел и задрожав всем телом.

И тут Клаас увидел, что к ним приближается высокая женщина, а с ней худая девочка, и лицо у этой девочки злое.

— Ай! — крикнул Ламме и уцепился за штаны Клааса. — Это мать и сестра меня ищут. Заступитесь за меня, господин угольщик!

— Вот что, — сказал Клаас, — возьми сперва семь лиаров за работу, а теперь смело пойдем к ним навстречу.

Увидев Ламме, мать и сестра бросились на него с кулаками: мать — от беспокойства, сестра — по привычке.

Ламме спрятался за Клааса и крикнул:

— Я заработал семь лиаров, я заработал семь лиаров, не бейте меня!

Но мать уже обнимала его, а девочка пыталась разжать ему кулак и отнять деньги.

Ламме кричал:

— Мои деньги, не дам!

И еще крепче сжимал кулак.

Клаас за уши оттащил от него девочку и сказал ей:

— Брат у тебя добрый и кроткий, как ягненок, и если ты еще когда-нибудь на него налетишь, я тебе уши драть не стану, а упрячу в черную угольную яму; за тобой туда придет красный черт из пекла и своими когтищами и зубами, длинными, как рогатки, раздерет тебя на мелкие кусочки.

Девочка не смела поднять глаза на Клааса, не смела подойти к брату — она сгоронила за материнскую юбку. Но в городе она сейчас же подняла крик:

— Угольщик меня побил! У него в погребе черт!

Однако больше она уже не била брата — она только заставляла его все за нее делать. Безответный простачок охотно ей повиновался.

А Клаас отнес рыбу в ту усадьбу, где у него всегда ее покупали. Дома он сказал Сооткин:

— Вот что я нашел в брюхе у четырех щук, у девяти карпов и в полной корзине угрей.

С этими словами он бросил на стол два флорина, и патар.

— Почему же ты каждый день не ходишь на рыбную ловлю, муженек? — спросила Сооткин.

— А чтобы самому не попасться в сеть к стражникам, — отвечал Клаас.

4

В Дамме отца Уленшпигеля Клааса все звали kooldraeger'ом, то есть угольщиком. Волосы у него были черные, глаза — блестящие, кожа — под цвет его товара, за исключением воскресных и праздничных дней, когда мыла у него в лачуге полагалось не жалеть. Это был приземистый, плечистый здоровяк с веселыми глазами.

Когда, на склоне дня и с наступлением вечера, он отправлялся по Брюггской дороге в таверну промыть пивцом свою черную от угольной пыли глотку, женщины, на порогах домов дышавшие свежим воздухом, приветствовали его:

— Добрый вечер, угольщик! Светлого тебе пива!

— Добрый вечер! Неутомимого вам супруга! — отзывался Клаас.

Девушки, гурьбой возвращавшиеся с поля, загораживали ему дорогу и говорили:

— Что дашь за пропуск? Алую ленту, золотые сережки, бархатные сапожки или флорины в копилку?

Клаас обнимал какую-нибудь из них, целовал — иногда в свежую щечку, иногда в шейку, в зависимости от того, что было ближе к его губам, — а потом говорил:

— Остальное, душеньки, дополучите со своих возлюбленных.

И девушки с хохотом убегали.

Дети узнавали Клааса по его громкому голосу и топоту сапог. Они бросались к нему с криком:

— Добрый вечер, угольщик!

— Храни вас господь, ангелочки! — говорил Клаас. — Только не подходите ко мне близко, иначе я вас в арапчат превращу.

Но малыши — народ смелый: они все-таки подходили; тогда Клаас хватал одного из них за курточку и проводил своей черной пятерней по его румяной мордашке, а затем, к великой радости остальных, отпускал и сам при этом заливался хохотом.

Сооткин, супружница Клааса, была женщина хорошая: вставала вместе с солнышком и трудилась, как муравей.

Свой участок они обрабатывали вдвоем с Клаасом, оба впрягались в плуг, точно волы. Нелегко им было тащить плуг, но еще тяжелее — борону, когда деревянные зубья этого сельскохозяйственного орудия разрыхляли сухую землю. И все же работали они весело, с песней на устах.

И как ни суха была земля, как ни жгло их палящими лучами солнце, как ни выбивались они из сил, таща борону, и как ни подгибались у них колени, а во время роздыха Сооткин подставляла Клаасу милое свое лицо, Клаас целовал это зеркало ее нежной души, и оба они забывали о своей страшной усталости.

5

Накануне у дверей ратуши возглашали, что государыня, супруга императора Карла, на сносях, а потому все должны молиться, чтобы она благополучно разрешилась от бремени.

К Клаасу, вся дрожа, вбежала Катлина.

— Что с тобой, соседка? — спросил он.

— Ох! — простонала Катлина и прерывающимся от волнения голосом заговорила: — Нынче ночью привидения косили людей, точно косари траву... Девушек заживо в землю закапывали! На их трупах палач плясал... Камень девять месяцев кровоточил, а нынче ночью распался.

— С нами крестная сила, с нами крестная сила! — запричитала Сооткин. — Недоброе сулят Фландрии этикие страсти!

— Во сне ты все это видела или наяву? — спросил Клаас.

— Наяву, — отвечала Катлина.

Бледная как смерть, она продолжала, рыдая:

— Два младенца родилось: один — в Испании, инфант Филипп, а другой — во Фландрии, сын Клааса, ему потом дадут прозвище Уленшпигель, Филипп станет палачом, потому он — отродье Карла Пятого, а Карл Пятый — нашего отчего края губитель. Из Уленшпигеля выйдет великий балагур и великий проказник, но сердце у него будет доброе, потому как он сын Клааса, а Клаас, тру-

женик славный и исправный, честным, добросовестным, праведным трудом добывает хлеб свой. Император Карл и король Филипп промчатся по жизни, всем досаждая войнами, поборами и прочими злодеяниями. Клаас — тот рук не покладает, права-законы соблюдает, трудится хоть и до поту, да без ропоту, никогда не унывает, песни распевает — того ради он послужит примером честного фламандского труженика. Вечно юный Уленшпигель никогда не умрет, по всему свету пройдет, ни в одном месте прочно не осев. Кем-кем он только не будет: и крестьянином, и дворянином, и ваятелем, и живописцем! И странствовать ему по белу свету, славя все доброе и прекрасное, а над глупостью хохоча до упаду. Доблестный народ фламандский! Клаас — это твоё мужество; Сооткин — это твоя стойкая мать; Уленшпигель — это твой дух; славная милая девочка, спутница Уленшпигеля, бессмертная, как и он, — это твоё сердце, а толстопузый простак Ламме Гудзак — это твоя утроба. Наверху — душители народа, внизу — жертвы; наверху — разбойники-шершни, внизу — трудолюбивые пчелы, а в небе будут кровоточить язвы Христовы.

И, сказавши это, добрая ведунья Катлина уснула.

6

Уленшпигеля понесли крестить. Вдруг хлынул ливень и вымочил его до костей. Так Уленшпигель был окрещен в первый раз.

Когда его внесли в церковь, пономарь, он же schoolmeester, то есть школьный учитель, сказал куму с кумой и отцу с матерью, чтобы они стали вокруг купели, что те и сделали.

Но в своде над купелью каменщик пробил дыру, чтобы к звезде из позолоченного дерева привесить лампаду. Увидев сверху кума с кумой, чинно стоявших возле еще прикрытой купели, злодей-каменщик вылил на крышку ведро воды и всех обрызгал. Особенно лихо окатил он Уленшпигеля. Так Уленшпигель был окрещен во второй раз.

Явился настоятель. Выслушав жалобу, он сказал, что ему некогда с ними разговаривать и что каменщик облил их нечаянно. Уленшпигель барахтался, оттого что был весь мокрый. Настоятель, окрестив его солью и водой, дал ему имя Тильберт, что значит «подвижный». Так Уленшпигель был окрещен в третий раз.

Выйдя из собора, они перешли площадь и двинулись по Долгой улице в Бутылочные Четки — трактир, эмблемой которого служила пивная кружка. Здесь они выпили семнадцать с лишним кружек dobbelkuyt'a¹⁶. Если во Фландрии кто-нибудь хочет получше обсушиться, то разводит у себя в пузе пивной костер. Так Уленшпигель был окрещен в четвертый раз.

Выписывая по дороге домой вензеля, оттого что головы у них были тяжелее тела, они подошли к мостику через лужу. Ребенка несла кума Катлина — она оступилась и вместе с ним шлепнулась в грязь. Так Уленшпигель был окрещен в пятый раз.

Его вытащили из лужи, обмыли дома теплой водой, и то было его шестое крещение.

7